

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 188–192
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 188–192

Научная статья
УДК 94(44).028
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-188-192>

Маргарита Ангулемская и проблемы ренессансного религиозного инакомыслия

Е. В. Гаврилова

Камышинский технологический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, 403874, Волгоградская обл., г. Камышин, ул. Ленина, д. 6а

Гаврилова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки и гуманитарные науки», Gavrilova@kti.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3135-2861>

Аннотация. Статья посвящена религиозным исканиям Маргариты Ангулемской. Анализируя творческое наследие герцогини, ее обширную переписку с представителями реформационного движения, автор доказывает, что, несмотря на покровительство движению Реформации во Франции со стороны Маргариты, ей были присущи религиозно-этические искания, характерные для многих представителей ренессансной эпохи, она не порывает окончательно с католической верой, оставаясь в духовном плане фигурой переходной.

Ключевые слова: Реформация во Франции, ренессансное религиозное инакомыслие, Маргарита Ангулемская, покровительство протестантам, религиозное мировоззрение, духовные искания

Для цитирования: Гаврилова Е. В. Маргарита Ангулемская и проблемы ренессансного религиозного инакомыслия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 189–192. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-188-192>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-188-192>

Marguerite of Angouleme and the problems of Renaissance religious dissent

E. V. Gavrilova

Kamyshin Technological Institute (branch) of Volgograd State Technical University, 6a Lenina St., Kamyshin 403874, Volgograd region, Russia

Elena V. Gavrilova, Gavrilova@kti.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3135-2861>

Abstract. The article is devoted to the religious pursuit of Marguerite of Angouleme. Analyzing the creative legacy of the Duchess, her extensive correspondence with representatives of the reformation movement, the author convincingly proves that, despite the fact that Marguerite was the patroness of the reformation movement in France, and she was described as having religious and ethical searches characteristic of many representatives of the Renaissance era, she did not completely break with the Catholic faith, remaining a transitional figure in spiritual terms.

Keywords: Reformation in France, Renaissance religious dissent, Marguerite of Angouleme, patronage of Protestants, religious worldview, spiritual quest

For citation: Gavrilova E. V. Marguerite of Angouleme and the problems of Renaissance religious dissent. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 188–192 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-188-192>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Фигура Маргариты Ангулемской (1492–1549), несмотря на ее богатое литературное и эпистолярное наследие, в современной российской историографии не стала предметом широких научных изысканий. Среди работ, посвященных этой представительнице французского Ренессанса, можно упомянуть биографию Маргариты, опубликованную А. М. Петрункевичем еще в конце XIX в., в которой автор представил герцогиню как покровительницу гуманизма и достойную помощницу

короля Франциска в деле распространения Ренессанса во Франции¹. Как яркую и самобытную новеллистку характеризует ее в своей вступительной статье к «Гептамерону» А. Д. Михайлов². В ряде статей она фигурирует как основательница гуманистического кружка в Нераке и покровительница блестящих умов той эпохи, в частности Клемана Маро – французского поэта³. При дворе Маргариты нашли убежище даже более радикально мыслящие, чем Маро или Руссель, лидеры «духовных

вольнодумцев» мистически окрашенного учения в отдельных моментах близкого к анабаптистам⁴.

На наш взгляд, для понимания проблемы обращения к религиозным поискам элиты французского общества представляется интересным и важным выявить подходы и решения венценосной гуманистки к проблеме религиозного инакомыслия, отражение этих моментов в творчестве королевы Наваррской. Неслучайно к этим поискам обратились женщины из верхов – сама Маргарита, ее дочь Жанна, дочь короля Людовика XII Рената Феррарская, сестра коннетабля Монморанси Луиза (мать Колиньи), сестры Лаваль, считалось, что даже фаворитка Франциска герцогиня д'Этамп и т. д. Но пример Маргариты особенно показателен, поскольку она была единственной из них, кто был связан с художественным литературным творчеством. В качестве источников были привлечены широкое эпистолярное наследие Маргариты: ее переписка с представителями реформаторского движения, в частности с епископом Бриссоне, со знаменитыми деятелями эпохи Ренессанса (имеются в виду письма к ней Эразма Роттердамского и Филиппа Меланхтона), ее литературное наследие (стихи и сборник новелл).

О роли Маргариты Ангулемской в становлении французского гуманизма косвенно может свидетельствовать то, что современные историки ее открыто называют «матерью Ренессанса»⁵. Сестра короля Франциска I, жена короля Наварры, автор стихов и «Гептамерона», написанного в подражание «Декамерону» Джованни Боккаччо, она покровительствовала гуманистам и вольнодумцам. Прекрасно образованная, наделенная незаурядными поэтическими способностями, Маргарита Ангулемская являлась центром притяжения передовых мыслителей XVI в., зачастую преследуемых Церковью⁶.

Движение Реформации, охватившее Германию в первой четверти XVI в., нашло своих последователей и во Франции, поскольку там также сложились благоприятные условия для принятия этих идей. Поводом для развития реформаторского движения во Французском королевстве послужили многочисленные злодеяния, которые чинили представители католической церкви. Распущенность духовенства, торговля индульгенциями и произвольная раздача церковных должностей – таковы реалии того времени. Королевская власть в силу Болонского конкордата, в соответствии с которым французский король мог назначать на церковные должности по своему усмотрению и распоряжаться церковными доходами, получила возможность расплачиваться за оказанные услуги, не опустошая государственную казну. Так, например, скульптор Бенвенуто Челлини за свою серебряную статую стоимостью 2 тыс. дукатов получил от короля аббатство. Такое отношение определялось как общеевропейской ситуацией, так и открыто проявлявшейся нравственной деградацией части французского католического

духовенства, возмущавшей даже верующих католиков. Все это усиливало в общественном сознании неудовлетворенность церковью, убеждало в ее отступничестве от выполнения своей духовной миссии, расширяло поле обличительной критики духовенства.

Реформация, заставлявшая каждого верующего составить свое собственное мнение о религиозных таинствах, способствовала воспитанию и упражнению ума, отвергала схоластику, вырабатывала новый метод – метод личной интерпретации Священного Писания. И поскольку Священное Писание становилось единственным, необходимым и достаточным источником верований и моделью поведения, то реформаторы должны были быть уверены в том, что оно не искажено. Отсюда стремление к знанию, овладению древними языками, интерес к первоисточнику.

Большое значение для развития Реформации во Франции имели университеты, особенно следует отметить университет в Бурже, расположенный во владениях Маргариты. Герцогиня лично приглашала выдающихся ученых и профессоров в свой университет. Одним из них был итальянский юрист Альчати, впервые поставивший вопрос о происхождении, соотношении и духе законов на историческую почву. Среди слушателей его лекций были Жан Кальвин и Теодор де Без. Среди других знаменитых профессоров этого университета необходимо упомянуть Мельхиора Вольмара, которого герцогиня пригласила на кафедру латинского и греческого языков. Он был близко знаком с Лефевром, Русселем, Маро и Рабле. Эта была славная эпоха в истории Буржского университета: здесь начинали свою преподавательскую деятельность и стипендиаты Маргариты – знаменитый переводчик Плутарха, впоследствии воспитатель Карла IX и Генриха III Жак Амио, и Клод Бадюэль, ученик Меланхтона. Сохранилось письмо Меланхтона от 13 июня 1534 г, в котором он обращается к Маргарите с просьбой о покровительстве и оказании материальной помощи своему ученику Клоду Бадюэлю, который по бедности своей не мог закончить учебу, хотя подавал большие надежды. Герцогиня обеспечила ему пенсией, позволив завершить образование, а позднее после открытия университета в Ниме, сделала его ректором⁷.

Симпатии к новому религиозному учению проявлялись не только среди профессоров и студентов Бурже и Нима, но и в высших школах Лиона, Бордо, Орлеана, Тулузы и Парижа. Многие преподаватели открытого королем Коллеж де Франс рекомендованные Бюде, испытывали симпатию к новому учению.

При дворе реформаторское религиозное движение получило серьезную поддержку в лице Маргариты, герцогини Ангулемской. Она лично была знакома с членами реформаторского кружка, возникшего в городе Мо, и с 1521 г. состояла в переписке с епископом Брисонне. Члены кружка занимались переводами текстов Писания

на французский язык, выступали за возвращение к идеалам раннего христианства, прежде всего за нравственное, а не организационное обновление Церкви. Помощь делу Реформации со стороны Маргариты объяснялась ее личными качествами. Брантом пишет о ней: «Она направляла все свои действия, мысли, желания и стремления к великому солнцу – Богу, и поэтому ее подозревали в лютеранстве. То почтение, с каким к ней относились, то высокое мнение о ее уме и сердце, которое сложилось у всех, больше привлекали к Евангелию, чем любой проповедник»⁸. Брантом, убежденный католик, свидетельствовал как о ее религиозных нестандартных воззрениях, так и об обвинениях в лютеранстве, при этом он решительно отметал последние.

Король на первых порах благожелательно относился к исканиям гуманистов-реформаторов и по просьбе сестры не раз брал ученых под свою защиту. По желанию Луизы Савойской – матери короля и Маргариты – были переведены на французский язык некоторые части Писания. Таким образом, обстоятельства, казалось, благоприятствовали реформаторам. Кроме того, Луиза Савойская, король и его сестра не скрывали своего осуждения той порочной и праздной жизни, которую вели католические монахи: «В 1522 году, в декабре, мой сын и я милостью Святого Духа узнали ханжей белых, черных, серых и всех вообще цветов, от которых спаси и сохрани нас, Господь, своею милостью, ибо нет более опасных людей во всем роде человеческом»⁹, – записала Луиза Савойская в своем дневнике. В «Гептамероне» Маргариты есть несколько новелл, высмеивающих монахов-францисканцев. Прежде всего, герцогиню отталкивало в них лицемерие – один из главных, по ее мнению, человеческих пороков, а также их крайнее невежество и бесполезность.

В переписке Маргариты с епископом Брисонне в ноябре 1521 г. встречаем: «Не знаю, должна ли я радоваться тому, что меня причисляют к тем, на кого я очень бы желала походить... Мне кажется, что лучше всего заставить замолчать невежду, ибо король и Мадам [Луиза] твердо решили внушить всем, что Божья истина не ересь». Позже Маргарита сообщает своему корреспонденту: «Отсылаю к Вам мэтра Мишеля, который, уверяю Вас, не терял здесь времени, и учение Господа, через его уста, поразило сердца тех, кто уже склонился к принятию Духа Святого [Франциск и Луиза]... Но, умоляю Вас, среди всех Ваших благочестивых стремлений к реформации церкви, которой король и Мадам симпатизируют больше, чем когда-либо, и среди заботы о спасении несчастных душ – не забывайте одну из них, самую, может быть, несчастную и несовершенную...»¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что поначалу король не без влияния своей сестры благосклонно смотрел на движение Реформации, определенно понимая ее как исправление злодеяний церкви, а не основ вероучения и не

препятствовал распространению мыслей первых реформаторов. А герцогиня пыталась влиять на церковную политику Франциска I и была связующим звеном между властью и интеллектуалами, создавшими концепцию обновленной церкви во Франции.

Отношение короля Франциска I к реформатской церкви резко изменилось с началом «дела плакатов». В октябре 1534 г. во всех крупных городах Франции были распространены листовки антикатолического содержания. До этого времени король еще не решался безусловно поддерживать католиков, которые, преследуя еретиков, преследовали в то же время и ученых. Но теперь он усмотрел в этих воззваниях угрозу своей власти и раскола единой веры. На реформаторов обрушились репрессии. Религиозным преследованиям подверглись не только те, кого называли еретиками, но и поэты, и ученые. Многие бежали из Парижа. Руссель поспешил уехать в Наварру, Кальвин бежал в Базель, а Клеман Маро нашел убежище во владениях Ренаты Феррарской¹¹.

При феррарском дворе идеи протестантизма также получили распространение, и вскоре Феррара оказалась прибежищем для всех, кто не мог оставаться во Франции из-за своих взглядов и убеждений. В марте 1536 г. к Ренате приехал Кальвин. Герцогиня с радостью встретила его, подолгу беседовала с ним и вскоре стала его последовательницей.

Маргарита также пыталась по мере сил защищать гонимых, по крайней мере, тех, которые принадлежали к ее дружескому кругу. Она была авторитетом для мыслящих людей Европы. Сохранилось письмо Эразма Роттердамского к Маргарите, в котором он высоко отзывался о ее личных качествах и той роли, которую она играла в общественной жизни Франции¹².

Среди окружения Маргариты было известно о ее симпатии к реформаторскому учению. Немецкий протестантский граф Гогенлоэ в 1527 г. подарил ей переведенное на французский язык собрание сочинений М. Лютера, а известный реформатор, друг Лютера и Цвингли, Капитон посвятил герцогине свои «Комментарии на пророка Оссию» и в приложении к ним особо отметил, что «взоры всех обращены на нее, что она надежда и упование реформатов и что все от души желают видеть ее торжествующей над теми многочисленными и крупными препятствиями, которые возникают перед женщиной, и в особенности перед королевой, как только дело коснется исповедания истины»¹³.

Гуманизм и Реформация во Франции первоначально шли рука об руку, и общение герцогини с гуманистами невольно направляло ее мысль к сомнениям и исканиям. Маргарита со свойственной ей порывистой страстностью увлеклась идеями евангелизма. Ее перу принадлежит дидактическая поэма «Зерцало грешной души», в которой нашла отражение мистическая вера, присущая многим

ранним гуманистам. Эта поэма была осуждена Сорбонной. В ней Маргарита провозглашала один из важных постулатов протестантизма – об оправдании благодатью и верой. Спасение всех и каждого обусловлено не личными добрыми делами, а только милостью Божией, дающей человеку истинную веру, которая и спасает его.

В 1533 г. противостояние Маргариты и Сорбонны достигло своего пика. Во время Великого Поста королева Наваррская в Лувре устроила открытую проповедь евангелического учения. Ежедневные беседы Русселя, объяснявшего Священное Писание по-французски и притом простым языком, привлекали большое количество слушателей. Сорбонна обвинила королеву в потакании ереси. Во владениях самой Маргариты нашелся монах, с церковной кафедры советовавший «защитить королеву в мешок и утопить в Сене». По приказу короля проповедник был схвачен и судим за оскорбление величества; его присудили к тому самому наказанию, которое он придумал для своей королевы. Но Маргарита сжалилась над несчастным: по ее настоянию Франциск смягчил приговор, заменив его ссылкой на галеры. Однако именно в королеве видели оплот протестантизма, поэтому теологи решили сконцентрировать усилия на том, чтобы доказать, что Маргарита – еретичка и ее деятельность губительна для католической церкви и французского государства в целом. Королеву обвиняли в чрезмерной доверчивости, снисходительности и даже в некотором легкомыслии, ее упрекали за то, что «она поддерживает своими средствами, благосклонностью и расположением тех лиц, которые подозреваются одни в нарушении католической религии, другие в совершенном презрении к ней»¹⁴.

Никто из обвинителей не мог понять Маргариту и ее терпимость даже по отношению к тем, чьи воззрения она не разделяла. Она никогда не отрекалась формально от католичества и никогда не присоединялась формально же к протестантизму. Маргарита – переходная фигура в духовном плане. Ее сочинения отражают характерный для нее напряженный религиозно-этический поиск и углубленную сосредоточенность, а подчас и мистицизм.

Герцогиня Ангулемская, королева Наварры, до конца своих дней не отказывалась от роли покровительницы и не переставала активно помогать всем, кто обращался к ней за помощью. Маргарита оставалась верной себе – не случайно ее характеризовали как «пристань и убежище для всех несчастных». Она бесстрашно и открыто оказывала помощь людям, невзирая на их философские и религиозные взгляды, уверенная в том, что в их душе найдется место для безусловной истины, к которой все в итоге стремятся. Представляет интерес в этой связи позиция Генриха Д'Альбре, короля Наварры. Он не препятствовал поощрению религиозного инакомыслия при дворе, более того, не возражал против назначения одного из них даже епископом.

Смерть короля стала страшным потрясением для Маргариты. Ее стихотворение «Размышления, спустя месяц после смерти короля» дает нам представление о глубине ее горя – ее жизнь была кончена:

«Мое несчастье безнадежно
Отчаяние бросает меня на дно колодца
Откуда мне уже не выбраться...»¹⁵.

Смерть, еще недавно казавшаяся ей такой страшной, теперь – желанный конец, конец печали и мукам, радостное воссоединение с тем, без кого она не в силах жить:

«О, Смерть, забравшая брата,
снизойди до сестры,
пронзи ее своим копьём...
давай же, не откладывай, поспеши,
поскольку мой брат в твоих чертогах,
возьми меня, чтобы наши души могли соединиться»¹⁶.

После смерти короля Маргарита поселилась в монастыре в Тусоне, вдали от мирской суеты. Королева снова вернулась к своим литературным занятиям и здесь была написана большая часть ее «Духовных песен», поэма «Корабль», пронизанные тяжелым настроением Маргариты, поглощенной мыслью о смерти. В поэме она любовно и подробно описала последние часы близких и дорогих ей людей, как бы черпая силу и спокойствие в этих грустных воспоминаниях и как бы готовясь также спокойно, как они, покинуть мир, который уже больше не представлял для нее ничего радостного и заманчивого.

О ее душевных метаниях свидетельствуют «Духовные песни» и стихотворения, в которых она ставит проблему индивидуального спасения верой:

«...Лишь на Христа надеюсь я,
Не отступлюсь ни впредь, ни ныне.
Он сила, мощь и власть моя,
Так припаду ль к иной святыне?»¹⁷,

– вопрошает она в «Послании».

В Духовных песнях Маргарита подчеркивает свое личное восприятие Бога и веры:

«У меня больше нет ни отца, ни матери,
Ни сестры, ни брата.
Кроме одного Бога, на которого я уповаю...
... Он мой друг и моя подруга,
Отец, мать, брат и супруг.
Моя надежда познать
мое Бытие, моя сила, моя мощь,
спасший меня своею волей...»¹⁸

В русле идей протестантизма она убеждена в индивидуальном спасении верой:

«...Лишь ты один сумел меня избавить
И оградить от зол, на путь наставить.
Плоть, дух и мысль питаешь только ты.
Яви свою заботу с высоты
И помоги мне жизнь мою исправить,
Спаситель мой»¹⁹.

Это индивидуальное восприятие общения с Богом для Маргариты означало не просто глубоко личные отношения, но и взаимосвязь: с одной

стороны, верит в прямое взаимодействие с Богом, с другой – просит его непосредственного прямого вмешательства без посредничества церкви в ее жизнь и духовные искания.

«...Господь, когда наступит долгожданный день,
Я буду поражена любовью к Тебе,
Что наш союз будет подобен союзу брачному? ...
...утри мои уставшие от долгих сетований глаза,
даруй мне лучший сладкий сон,
потому что слышать твои святые слова –
это совершенное удовлетворение
и верный отдых»²⁰.

И хотя индивидуальное спасение всегда связывалось с учением Лютера, по-видимому, поиск личных отношений с Богом в этот период был широко распространен, что и доказывают религиозные поиски Маргариты Ангулемской.

Поэзия Маргариты носит глубоко личностный характер, она не рассчитана на публику. Это способ самовыражения, поэтому стихам присуща глубокая искренность, а ее статус королевы, покровительницы гуманизма, позволял ей озвучить в поэзии свои размышления и сомнения. Поэмы Маргариты – лирические, т. е. глубоко личные произведения. И здесь Маргарита не просто следует традиции, она пропускает ее сквозь призму индивидуального восприятия.

Несмотря на религиозно-этический поиск, к которому ее направляло само развитие светской ренессансной мысли, Маргарита сохранила приверженность доктринам католической церкви и, тем не менее, до конца своей жизни заботилась и оказывала помощь и покровительство преследуемым протестантам. Это была терпимость в самом благородном и широком смысле. Все достойные люди эпохи – литераторы, ученые, философы Франции и Европы пользовались покровительством и поддержкой Маргариты.

Примечания

¹ См.: Петрункевич А. М. Маргарита Ангулемская и ее время. В стремлении к идеалу. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1899. С. 52.

- ² См.: Михайлов А. Д. «Гептамерон» Маргариты Наваррской и французская новелла эпохи Возрождения // *Маргарита Наваррская*. Гептамерон / под ред. А. Д. Михайлова. М. : Республика, 1993. С. 3–12.
- ³ См.: Гаврилова Е. В. Распространение гуманизма во Франции : кружок Маргариты Наваррской // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 1, ч. 1. С. 59–62.
- ⁴ См.: Маргарита Наваррская // *Культура Возрождения* : в 2 т. / под ред. О. Ф. Кудрявцева. М. : РОССПЭН, 2011. Т. 2, кн. 1. С. 203–205.
- ⁵ Cholakian P. F. *Marguerite de Navarre : Mother of the renaissance*. New York : Columbia University Press, 2006. 413 p.
- ⁶ Михайлов А. Д. Указ. соч. 413 p. С. 4–5.
- ⁷ Melanchton a la reine de Navarre // *Nouvelles lettres de la reine de Navarre addresses au roi François I, son frère / par F. Genin*. Paris : Chez Jules Renouardet C., 1842. P. 292–294.
- ⁸ Цит по : Петрункевич А. М. Указ. соч. С. 126.
- ⁹ Там же. С. 52.
- ¹⁰ Там же. С. 128.
- ¹¹ См.: Гаврилова Е. В. К вопросу о взаимоотношениях герцогини Маргариты Ангулемской и Клемана Маро // *Город и культура на Западе и в России* : сб. науч. тр. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. С. 145.
- ¹² Erasme a Marguerite. Duchesse d'Alençon // *Nouvelles lettres de la reine de Navarre addresses au roi François I, son frère / par F. Genin*. Paris : Jarnier–Jlammarrion, 1964. P. 184–186.
- ¹³ Петрункевич А. М. Указ. соч. С. 173.
- ¹⁴ Там же. С. 186.
- ¹⁵ *Marguerite de Navarre*. Autres pensees faites un mois apres la mort du roi // *Antalogie poetique française*. XVI siècle : 2 vols. Vol. 1. Paris : Garnier-Flammarion, 1964. P. 87–89.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ *Marguerite de Navarre*. Epitre // Ibid. P. 93.
- ¹⁸ *Marguerite de Navarre*. Cantiques spirituels // Ibid. P. 89–92.
- ¹⁹ *Marguerite de Navarre*. Rondeau // Ibid. P. 92.
- ²⁰ *Marguerite de Navarre*. Cantiques spirituals // Ibid. P. 91.

Поступила в редакцию 13.11.2020, после рецензирования 01.12.2020, принята к публикации 28.12.2020
Received 13.11.2020, revised 01.12.2020, accepted 28.12.2020